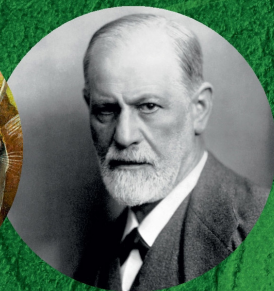

Николай Никулин

ПОКА ФРЕЙД *спал*

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ПОРОКОВ

Николай Л. Никулин
Пока Фрейд спал.
Энциклопедия
человеческих пороков
Серия «Философия в легком стиле»

pdf предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31507229
Николай Никулин Пока Фрейд спал. Энциклопедия человеческих пороков:
ISBN 978-5-386-10075-9

Аннотация

Теофраст, ученик Аристотеля, в IV веке до нашей эры написал трактат под незамысловатым названием «Характеры», где описал 30 типов человеческой личности: болтун, притворщик, хвастун, трус и т. д. Науки психологии тогда еще не существовало, о внутреннем мире человека догадывались, но смутно. Яркие внешние поступки и квалифицировались как проявления характера человека. И конечно, именно пороки – а что может быть ярче? – определяли тип этого характера. В XVII веке Жан де Лабрюйер с высоты философии просвещения написал свой трактат «Характеры, или Нравы нынешнего века», высмеивая дурные наклонности французского общества. Он предложил

свою классификацию пороков, отличную от Теофрастовой. Число пороков растет, и едва ли ученые, философы, теологи и культурологи придут к единому мнению о том, сколько всего пороков на свете. Легче всего встать в назидательную позу и прочитать мораль. Но автор Николай Никулин в духе ренессансной легкомысленности, в которой философ Эразм Роттердамский расточал похвалы глупости, берется иронически осмыслить природу пороков, щедро разбрасываясь примерами из литературы и кино. Николай Никулин – журналист, кинокритик. Закончил ГАУГН (Институт философии РАН) и ИЖЛТ по специализации «литературное творчество».

Содержание

Самозащита человечности	6
Обращение к любезному читателю	13
Обращение к критикам	16
Объяснение того, как следует понимать эту книгу	17
Алчность	20
1	21
2	25
3	28
4	31
5	35
Бестактность	38
1	39
2	42
3	47
4	49
5	52
Болтливость	56
1	57
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Николай Никулин
Пока Фрейд спал
Энциклопедия
человеческих пороков

Серия «Философия в легком стиле»

© Никулин Н. Л., 2017

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИ-ПОЛ классик», 2017

* * *

Самозащита человечности

Невозможно представить современную жизнь без энциклопедий не только на высотах интеллектуальности, но и просто в быту. Стоит вспомнить, сколько раз на дню мы заглядываем в Википедию, остающуюся энциклопедией в новейшей форме. Но «Энциклопедия» Николая Никулина традиционна, и сам он вписывается в блестящую плеяду энциклопедистов, восходящую к 1751 г., когда Дени Дидро, начав как переводчик энциклопедии Чемберса (на английском языке), привлёк к изданию сначала Д'Аламбера, потом Бюффона, Жан-Жака Руссо и самого Вольтера, словом, весь интеллектуальный цвет восемнадцатого столетия.

Николай Никулин в этом ряду последний по времени, но не по достоинству. Представляю себе довольную улыбку Вольтера, читающего блестящий раздел о цинизме. Пороки в книге Никулина расположены в алфавитном порядке, что придаёт энциклопедии иногда парадоксальный, но всегда работающий смысл. Например, алчность и жадность как

будто синонимы. Между тем в книге обнаруживается между ними различие, причём не только нравственное, но историческое. Персидским царям автор приписывает именно алчность: «Персидские цари древности не зря так любили единоличную власть и не понимали греков, радеющих за демократию. Как можно разделять с кем-то желание насытиться всеми богатствами мира!» (с. 28). А у жадности совсем другой социально-исторический аспект: «Так устроена жизнь, что совершенно естественным путём происходит смена времён года и совершенно искусственным – смена собственников. Поэтому и революции происходят столь кроваво, что распределять имущество все горазды, лишь только дай волю. И жадности тогда нет предела». Получается, что шариковское «отнять и поделить» – от жадности, а не от «свободы, равенства, братства», на чём настаивал бы Швондер. Алчность консервативна, жадность революционна. Мысль не бесспорная, но близкая к истине. В прологе к «Божественной комедии» Данте путь поэту преграждает тощая волчица, которая после еды голоднее, чем прежде. Это олицетворение алчности, но и политической реакции, которую должен победить некий Пёс (l'Veltro). Алчность (l'avarizia) карается в четвёртом круге «Ада», но примечательно, что вместе с алчными находятся расточители, как будто алчность и расточительство – две стороны одного и того же порока, ведущего к вечной гибели. Но и в четвёртом круге «Чистилища» на пути к вечному спасению алчные и расточители, избежав-

шие гибельной крайности в своём грехе. Эта мысль близка автору нашей «Энциклопедии», где не может не намечаться вопрос о природе порока. Обычно в пороке видят некоторый недостаток или ущербность. Для Н. Никулина порок, напротив, избыточность, воинствующая крайность, которая в своих более умеренных степенях граничит с добродетелью или даже совпадает с ней. Алчность может оказаться бережливостью, а гнев, также обречённый на вечную казнь в Дантовом аду, ведёт в рай через искупление в Чистилище. Читая «Энциклопедию» Никулина, вспоминаешь то и дело, что гнев бывает и праведный. Местами раздел о гневе превращается в настоящий панегирик: «Гнев – показатель искренности» (с. 118). «...гнев, если посмотреть шире, является вытолкнутой вовне совестью». «Гнев – вероятно слабость, но слабость тех, кто не желает превращать свою жизнь в сборник дидактических правил» (с. 121). Энциклопедия с редкой злободневностью вскрывает функцию гнева в истории культуры: «Кто-нибудь помнит сейчас маму Шопенгауэра, чьи книги раскупались с большой скоростью? Зато в историю вошёл её сын Артур, который своей философией только и делал, что вызывал гнев и недоумение» (с. 126). Не каждый заметит, что в энциклопедии только что досталось и самому Артуру Шопенгауэру, известному почитателю восточной мудрости: «А как жалко выглядят те, кто, придерживаясь всевозможных восточных учений, стараются вести крайне апатичную жизнь, лишённую всяких эмоций. Гнев для них – это напо-

минание об этом мире, мире материальной вселенной: дух же, с их точки зрения, парит над всеми мимолётными страстями. Посмотришь на них со стороны и не поймёшь, живы они или мертвы. Нет, конечно, для этого мира они мертвы – они, собственно, этого и добиваются. Но разве этот мир настолько плох, чтобы брезговать его страстями?» Этот пассаж относится не только к гневу, но и к другим порокам, рассматриваемым в «Энциклопедии».

Разумеется, в такой книге, как «Энциклопедия человеческих пороков», главная проблема, что такое добродетель. «Нет ничего любезней добродетели, ничего отвратительней порока», – писал в своём «Карманном оракуле» испанский моралист семнадцатого века Балтасар Грасиан. Книга Н. Никулина доказывает, что это так – и не так, поскольку нет такого порока, который не оборачивался бы добродетелью, именно оборачивался бы, а не просто притворялся. Недаром наряду с Данте и Бодлером важнейший первоисточник его книги – пресловутый Никколо Макиавелли, у которого «кажется, каждый порок выставлен в виде добродетели». Это мы и видим в «Энциклопедии человеческих пороков». Если порок – избыток, то это масло, которое портит кашу добродетели, хотя, вообще говоря, кашу маслом не испортишь, в особенности, когда каша и масло одно и то же и в умеренных дозах алчность – это бережливость, бестактность – искренность, болтливость – откровенность, а цинизм – правдивость. Пороки в своей чрезмерности – это слишком че-

ловеческое, как сказал Ницше, ржавеющая, но всё ещё пружина истории. В романе Достоевского «Братья Карамазовы» чёрт говорит Ивану: «Что же бы вышло после моей-то «осан-ны?» Тотчас бы всё угасло на свете и не стало бы случаться никаких происшествий. И вот единственно по долгу службы и по социальному моему положению я принуждён был задавить в себе хороший момент и остаться при пакостях. Честь добра кто-то берёт всю себе, а мне оставлены в удел только пакости» (то есть пороки. — *В.М.*). История — это и есть происшествие или происшествия, как говорит чёрт Карамазов. Непревзойдённым знатоком, теоретиком этих происшествий был всё тот же Макиавелли, появляющийся на первой странице книги: «Есть мнение, что Макиавелли написал своего «Государя», используя как раз иронию — дескать, не мог же республиканец быть столь щедрым на похвалу тиранической власти». Что касается иронии, спорить не приходится, но тут в заблуждение вводит русский перевод слова «Principe». По-русски государь — это всё-таки наследственный монарх, а «Principe» у Макиавелли вернее переводить словом «властитель», ибо, говоря словами Макиавелли, он из тех, кто приобретает государство «путями преступными, либо благодаря расположению к нему других его сограждан». И в том и в другом случае это властитель республиканский; ирония в том, что рекомендуемые ему добродетели сочетаются или совпадают с преступными путями, то есть пороками. Макиавелли не просто использует иронию,

он вооружается иронией, но вооружается для самозащиты.

Эразм Роттердамский – другой великий мастер, можно сказать, гений иронии, вдохновляющий «Энциклопедию пороков». Казалось бы, его «Похвала глупости» должна бы быть гневным разоблачением глупости, а между тем это действительно похвала, хотя и похвала ироническая. По отношению к схоластической учёности, к чистой, абстрактной разумности сама жизнь – глупость, но без этой глупости не будет самой жизни. Заслуживает внимания предположение, что самоубийство, в сущности, совершенно рационалистический акт, а ему противится сама жизнь иррационалистической стихией бессознательного. Рационалистический культ республиканских добродетелей выстроил в революционной Франции гильотину, на которой, правда, погибли те, кто её строил. Террор во все времена основывался на идее добродетели, не совместимой с живой, чувственной, «порочной» жизнью. При этой устрашающей иссушающей угрозе, объявляющей пороками все проявления человеческой жизни, человек просто перестал бы существовать, если бы не смех, образовавший то, что русский мыслитель Михаил Бахтин на-

звал смеховой культурой. На этой смеховой культуре основывается книга Николая Никулина. Сквозь каждую её страницу проступает бессмертное латинское изречение: Homo sum, et nihil humanum a me alienum puto. Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо.

В. Микушевич

Обращение к любезному читателю

Подобно Бальзаку, я имею смелость сказать, что пишу исключительно для людей живых в своих суждениях. Или, проще говоря, для тех, кто любит литературу.

В книге вы не найдете нравоучительных пассажей. Потому что это скучно. «Милей всего писать не с плачем, а со смехом», – писал Рабле, и, скажем прямо, французский классик сделал очень много для того, чтобы высмеять общественные пороки.

Писано это не в дидактических целях, а эстетических – я не старался рассказать о том, какими должны быть люди, а старался найти красоту в том, какими люди являются на самом деле. В этом смысле «Энциклопедия» не столько философский трактат или учебник по психологии, сколько художественное произведение, так как часто обращается к фантазии, вымыслу и юмору. А без последнего трудно достигнуть исследовательской глубины.

Джованни Боккаччо в своем труде «Генеалогии языче-

ских богов» резонно замечает, что некоторые люди считают поэтов «преступными учителями порока». Под «поэтами» разумея всех людей, хоть раз бравшихся за перо. Такое брезгливое отношение пошло еще от философа Платона, который не видел места художникам в «идеальном государстве». Во-первых, они своенравны и не подчиняются всеобщим законам, а во-вторых, в своих произведениях копируют то, о чем не имеют профессионального представления.

И если бы не Аристотель, своевременно сказавший: «Платон мне друг, но истина дороже», быть может, мы так и прожили бы всю свою жизнь с запретом на воображение. Мало того что Аристотель подчеркнул большое значение искусства, так еще и отметил: сильные чувства, такие как смех и страдания, позволяют человеку выйти на новый уровень понимания действительности.

Именно в комедиях, где безраздельно царил смех, высмеивались общественные пороки – без назидательного пафоса, с легкомысленной издевкой.

Теофраст, ученик Аристотеля, в IV веке до нашей эры написал трактат под незамысловатым названием «Характеры», где описал 30 типов человеческой личности: болтун, притворщик, хвастун, трус и т. д. Науки психологии тогда еще не существовало, о внутреннем мире человека догадывались, но смутно. Яркие внешние поступки и квалифицировались как проявления характера человека. И конечно, именно пороки – а что может быть ярче? – определяли тип этого ха-

рактера.

В XVII веке Жан де Лабрюйер с высоты философии просвещения написал трактат «Характеры, или Нравы нынешнего века», высмеяв дурные склонности французского общества. Он предложил свою классификацию пороков, отличную от Теофрастовой.

Число пороков растет, и едва ли ученые, философы, теологи и культурологи придут к единому мнению о том, сколько их всего на свете.

Но без них жизнь лишилась бы своей важной составляющей. Да и смеяться было бы не над чем!

С некоторым трепетом в сердце я отдаю на общественный суд труд, над которым корпел денно и ночью, задыхаясь от смеха и впадая в отчаяние, изобретая ловкую риторическую фразу и жалуясь на отсутствие вдохновения, примеряя пороки на себя и с яростью их отвергая.

Мудрость мира сосредоточилась в этой книге. Читая ее, вы приобщаетесь к мыслям древних. О последнем я просто не мог не упомянуть, дабы придать пущей значительности моему труду.

Обращение к критикам

Мне известно, что критикам уготовано обычаем судить и умножать число умозрительных суждений. Вы так и ждете, когда писатель неловко оступится и позволит себе лишнее словцо, которое с эпикурейским наслаждением вы растолкуете в угоду затейливой оценке. Ваше чтение с пристрастием, безусловно, имеет успех среди своих собратьев. Но я пишу для читателя, который значится по другому ведомству. Поэтому без опаски берусь за перо, ибо мысли мои зачаты вне школьных классов злословия.

Объяснение того, как следует понимать эту книгу

Здесь содержится столько же научности, сколько способен позволить себе поэтический вымысел («fiction poétique», как называли такой жанр французские поэты эпохи Возрождения, прозванные великими риториками). Поэтому автор дерзко позволяет себе цитировать знаменитых мыслителей прошлого, пренебрегая правилами оформления ссылок в научных работах. Можно считать приведенные цитаты большим вымыслом самого писателя, а можно просто поверить ему на слово – что они действительно когда-либо были написаны или произнесены. Но эти ссылки на авторитеты необходимы из соображений этических (аморально присваивать себе чужие мысли) и риторических – во славу красивой фразе. Ибо, как говорил французский ритор Жак Легран, последователь Боккаччо, «...ссылка есть не что иное, как умение кстати применить к тому, о чем говоришь, некие истории ли-

бо некие выводы». Впрочем, для самых любопытных в конце книги будет помещена библиография, из которой вы узнаете, как много прочитал автор, как богата его эрудиция и из каких произведений он черпал вдохновение при написании.

Книга сочинялась в ироническом ключе. Это стоит особо подчеркнуть, чтобы сразу избавиться от излишних претензий в апологетике пороков. Есть мнение, что Макиавелли написал своего «Государя», используя как раз иронию – дескать, не мог же республиканец быть столь щедрым на похвалу сильной тиранической власти. Это как сказать «в стабильном государстве хорошо бы душить противников режима». Казалось бы: шутка. Но кто-то может отнестись к ней вполне серьезно.

«Божественную комедию» Данте так вообще используют нынче в качестве туристического путеводителя по загробному миру, хотя флорентийский поэт всего лишь классифицировал пороки и добродетели в риторической форме, по ходу отправляя в тот или иной круг ада своих нерадивых современников. Ну, были у него враги, что тут сделаешь? И «комедией» он назвал свою поэму потому, что не скупился в причудливых описаниях на сатиру. Мол, господа, минуточку внимания, сейчас я продемонстрирую свою удивительную способность к классификации, причем сделаю это ярко, живописно и в рифму.

Надеюсь, и к «Энциклопедии» читатель отнесется должным образом. А чтобы она по прошествии времени не стала

опасным оружием в руках злых людей, я еще раз оговорюсь: все написанное мной необходимо воспринимать с иронической дистанцией.

И пусть слова Гёте станут рекламой этой книге:

*Люди! Спешите узнать,
для чего вы живете на свете!
Ключ к этой тайне продам
ровно за десять грошей.*

Алчность

Глава о том, что беспечно желать всего и сразу

«Жить только для себя – еще не значит жить».
Менандр

Большинство книг, изданных в Советском Союзе, имело один недостаток, который для некоторых спустя десятилетия по-прежнему остался достоинством: то, что Карл Маркс незримо присутствовал в них. Мыслитель он был, безусловно, превосходный (и лишь крайне укорененный в своих предрассудках человек посмеет с этим не согласиться) и сделал очень многое для истории философии. Для России же, помимо революции, в которой он опосредованно повинен,

он открыл путь многим поэтам и писателям – во многом, конечно, благодаря своему негативному отношению к денежному накопительству и алчности. «Буржуазность» – так это называлось по-марксистски, а только самый сытый из поэтов не метал копья в пресловутую буржуазность. Она сама по себе идеальная цель для насмешек. И хотя мы в своем суждении об алчности попробуем обойтись без Маркса, тот факт, что он будет незримо в них присутствовать, нужно держать в голове.

Желание власти и обогащения – вечная тема в истории человечества. А поскольку, как сказал Маркс, «...история, в лучшем случае, являлась не более, как готовым к услугам философа сборником иллюстраций и примеров», этих примеров можно собрать множество – и без Маркса, разумеется.

Ну какой из правителей искренне не желал свою власть сохранить? Какой из правителей не получал от этого удовольствия? Наверное, только слабый правитель – тот, который быстро утратил свои позиции. Власть же – это не только легализованное насилие над подданными, но и неограниченные возможности для удовлетворения своих прихотей. Персидские цари древности не зря так любили единоличную власть и не понимали греков, радеющих за демократию. Как же можно разделять с кем-то желание насытиться всеми богатствами мира? Это же противоестественно! Аристоксен в «Жизнеописании Архита» словами своего героя рассказывает, что «все люди, обрета достаточно богатства и силы, об-

ращают их на службу именно телесным своим наслаждениям, видя в этом главную цель, а все прочее полагая второстепенным. В пример можно привести нынешнего персидского царя, да и всякого достаточно самовластного правителя, как когда-то цари Лидии, Мидии и Ассирии. Они не упустили ни единого наслаждения; напротив, у персов, говорят, за изобретение новых наслаждений назначаются награды. И это правильно, потому что природа человеческая быстро пресыщается затяжными наслаждениями, даже самыми отборными, а значит, если новизна имеет способность усиливать наслаждение, ею нельзя пренебрегать, но со всем тщанием добиваться. Оттого-то и придумано столько яств, и печений, и умашений, и благовоний, и столько плащей, и покрывал, и чаш и прочей утвари: все приносит наслаждение, если опирается на то, что радует природу человеческую. Таково и золото, и серебро, и все, что редкостью радует взгляд, когда обработано по правилам искусства».

Нет сомнений, что каждый грек завидовал этим описаниям. И если бы не законодательство, придуманное скучными рациональными умами, жажда власти ослепила бы каждого. Впрочем, не будем идеализировать прошлое. Как только одному из них – пусть не греку, а македонцу, – удалось добиться единоличной власти, да еще и расширить границы своей империи равносильно своим амбициям, все встало на свои места. Александр Македонский обладал полководческим даром и невиданной силой убеждения – не толь-

ко страны покорялись ему, но и приближенные, веря в его божественное предназначение. Однако, помимо политических талантов, история отмечает его безграничную жажду к увеселениям и богатству. Парменион в «Письме к Александру» после взятия Дамаска перечисляет добро, которое досталось Александру. Среди них не только материальный капитал, но и человеческий. Он взял себе «царских наложниц, обученных музыке – триста двадцать девять, мужчин, плетущих венки, – сорок шесть, кулинаров – двести семьдесят семь, горшечников – двадцать девять, молочников – тринадцать, буфетчиков – семнадцать, процеживателей вина – семьдесят, парфюмеров – четырнадцать». А уж сколько женщин он себе присвоил – тут и памяти Пармениона не хватит.

Цезарь, по словам историка Светония, был падок до роскоши: «В походы возил с собою штучные и мозаичные полы. (...) Красивых и ученых рабов он покупал по таким неслыханным ценам, что сам чувствовал неловкость и запрещал записывать их в книги. (...) В провинциях он постоянно давал обеды на двух столах: за одним возлежали гости в воинских плащах или в греческом платье, за другим – гости в togaх вместе с самыми знатными из местных жителей».

Кажется, достаточно примеров из древней истории. И без Маркса становится ясно, что власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно.

А как быть с нами, то есть людьми, далекими от политики и грандиозных стратегических операций? Тут, пожалуй, все еще более наглядней! Человек остается человеком, с короной он или без нее. Властвовать над людьми можно и психологически, и статусно, и, разумеется, денежно. До денег все охочи, как ни крути.

Герой плутовского романа Матео Алемана «Гусман де Альфараче» без обиняков сообщает: «Странствуя по свету,

я убедился, что богачи-толстосумы, подобно китам, разевают алчную пасть, готовые поглотить все, что ни попадется, дабы набить свои сундуки и умножить доходы; глаза их отворачены от бездомного сироты, уши не слышат жалоб бедной девицы, плечи не служат опорой слабому, а руки не поддерживают недужного и убогого. Напротив, разглагольствуя об обязанностях правителя, каждый правит так, чтобы вода лилась на его мельницу. На словах они полны благих намерений, но творят дурные дела, прикидываются агнцами божьими, но стрижет этих агнцев дьявол».

Стремление к господству никогда не проявляется топорно. Здесь работают более тонкие механизмы. Создать вокруг себя ореол праведника – тоже задача не из простых. Не только государственный правитель желает снискать у народа звание справедливого и честного, но и алчный человек. «Вы упрекаете меня в богатстве? – развеет он руками. – А вы вообще знаете, сколько я трачу денег на благотворительность?» И не придерешься ведь. Занимаясь благотворительностью, можно совершать какие угодно злодеяния – это как получить неограниченные полномочия. Весьма удобно. И главное, обеспечено господство над умами, со званием «человек года» в придачу.

Монтень в «Опытах» писал: «От всякой возни с богатством отдает алчностью; ею отдает даже от его расточения, от чрезмерно упорядоченной и нарочитой щедрости; оно не стоит такого внимания и столь докучной озабоченности. Кто

хочет расходовать свои средства разумно, тот постоянно должен себя останавливать и урезывать. Бережливость и расточительность сами по себе – ни благо, ни зло; они приобретают окраску либо того, либо другого в зависимости от применения, которое им дает наша воля».

Все-таки желание к накопительству – обременительная вещь. Мало того что это желание никогда не угасает, а лишь только разрастается, так ведь еще и появляются заботы о том, как бы свое состояние сохранить. Время, надо сказать, непредсказуемое – причем как сейчас, так и всегда. Глядишь, найдется пройдоха-обманщик, который лишит тебя накопленного капитала. А что потом делать? Как быть? Расставаться с ним плачевно.

Видимо, умно поступал Диоген, когда все свое носил с собой. Ему, в общем, нечего было и терять – даже дома и того не было. В конечном счете, не назовешь же бочку ценным предметом!

Или Сократ – тоже человек весьма скупой в своих желаниях, – когда прогуливался по рынку, весьма по-философски замечал: «Сколько вещей, которых я совсем не желаю!» Монтень по этому поводу сказал: «Для алчности, судя по моим наблюдениям над повседневною жизнью, нет большей помехи, чем сама алчность: чем она беспредельнее и ненасытнее, тем меньшего достигает. И обычно она гораздо быстрее скапливает богатства, когда прикрывается личиною щедрости».

«Богатые тоже плачут» – очень точная фраза. И, что важно отметить, они плачут «тоже», но не «так же». Разумеется, нет таких весов, которые могли бы сравнить тяжесть этих страданий, но то, что богатым каждый день приходится думать о своих вещах, добавляет их страданиям значительности. Впрочем, не только богатые склонны к накопительству, но и, как бы их назвал Маркс, буржуа... Или мещане, филистеры – словом, как их только в истории не называли. Этот

средний класс, привыкший откладывать свои деньги, чтобы в радостный момент своей жизни съездить в большой супермаркет и сделать основательные закупки.

Думаете, их не снедает наш порок? Еще как! Возможно, даже сильнее других, ибо только про них можно сказать: ваша жажда никогда не будет удовлетворена по причине недоступности конечной цели. Попросту говоря, к власти мещанин прийти не может – далек он от этих дел, хотя, может, очень бы хотел. К огромному богатству так же далек. Стало быть, алчность его неумна – и в желаниях, и в страстях, и в других пороках.

Одну из своих «Ксений» (сатирических эпиграмм) немецкий поэт Гёте так и назвал: «Филистерам».

*Глядя на бабочек,
вспомните гусениц:
вашу капусту
сильно попортят они,
чуть ли не с блюда украв.*

Чтобы понимать: филистер, мещанин, буржуа – это человек, заикленный на материальной стороне жизни. Флобер, например, в красках описал поведение таких людей в известном романе «Мадам Бовари». Не знаю, зачитывался ли кто-нибудь этим романом до слез, до волнительного переживания, до трагического осознания бренности жизни, но роман этот написан совсем для других целей. И сам Флобер, когда

писал его, смеялся над тем, как точно обрисовал примитивное поведение Эммы, главной героини, ее стремление жить по канонам романтической литературы, ее фантазии на тему красивой жизни, и все это на фоне абсолютного морального упадка! Попробуйте перечитать этот роман еще раз, только с мыслью, что все написано там иронично. То есть несерьезно, лукаво, игриво. И даже ее самоубийство – это не драма отдельно взятой женщины, а карикатура на литературу, в которой всякий раз кто-нибудь норовит самоотверженно покончить с собой. Вот такие люди, живущие мечтами, алчут занять положение повыше, не имея к этому никаких предрасположенностей. Отсюда и происходит слово «пошлость», то есть примитивность вкусов, их искусственность, китчевость. Пошляк алчет того, чего и сам не знает, просто потому, что это считается престижным. И смотрит на искусство аналогичным образом: если люди о нем говорят, значит, в нем есть определенное значение. Однозначно есть. Нет никаких сомнений!

Хорошо сказал Набоков: «Маркс назвал бы Флобера буржуа в политэкономическом смысле, а Флобер Маркса – в духовном; и оба не ошиблись бы, поскольку Флобер был состоятельным человеком, а Маркс – мещанином во взглядах на искусство».

И все-таки, если не быть столь уж строгими и обойтись без назиданий, присущих, к слову, именно мещанской душе, то можно в алчности найти и позитивные моменты. Во всяком случае, подойдя к вопросу беспристрастно. Вот Гоббс в своем «Левиафане» писал: «Жадность к большому богатству и честолюбивое стремление к большим почестям есть нечто почетное, ибо они признаки могущества. Жадность и честолюбие, направленные на ничтожные приобретения или

незначительные продвижения по службе, позорны».

И кто возразит, что жадность к богатству не играет временами на пользу человечеству?

Нет? Не верите? Думаете, деньги все-таки являются злом и не приводят ни к чему хорошему?

Тогда давайте обратимся к голой статистике. Вернее, обратимся не мы, а знаменитый социолог Макс Вебер, автор книги «Протестантская этика и дух капитализма». С его легкой руки мы узнали, что протестантские страны, в которых дух экономической свободы стал одним из краеугольных камней религиозной системы, опередили по своему развитию католические. Конечно, можно поразглагольствовать на тему – а что такое развитие? Мол, цивилизации развиваются по своему пути и нет никакого единого прогресса для всех. В общем, эти сказки мы слышали много раз, и даже в каком-то смысле поверили в них, поэтому спорить себе в ущерб не будем. Но опять же, если обратиться к беспристрастной статистике по экономическому росту – к, так сказать, голым цифрам, – то на примере Америки легко в вышеозначенном тезисе. Протестантская Северная Америка создала едва ли не самую сильную экономику в мире (впрочем, это скорее риторическое допущение за неимением истинных критериев оценки экономик мира; а есть ли они вообще?), а Южная Америка, кажется, не очень-то к этому стремилась. Показатели налицо. Хочешь жить комфортно? Тогда жажда наживы отнюдь не мешает!

«Простите, но как алчность связана с экономическим развитием?» – уточните вы не без подозрения.

«Это элементарно, Ватсон!» – ответил наш внутренний Шерлок Холмс.

Ради денег люди готовы придумывать тысячи изобретений. А доставать их хочется как-то без особого риска и труда. Не то чтобы совсем не прикладывая рук – нет, что вы? – но именно упростив способ их добывания. Это и есть технологический прогресс. Один человек получает деньги за свои открытия, а другие этим открытием пользуются.

Лучше всего эта нехитрая мысль представлена в романе «Атлант расправил плечи» американской писательницы Айн Рэнд. В сущности, в этом романе все хорошие люди выглядят эгоистами, честолюбцами и алчущими денег людьми, а плохие – мистиками, альтруистами, людьми, не способными зарабатывать себе самостоятельно. Наверное, странно это слышать, ведь мы привыкли превозносить совершенно другие идеалы. Но мы ли? Или нас заставили верить в эти идеалы? Скажем, в идеал Робина Гуда, самоотверженного разбойника, отнимавшего деньги у богачей и раздававшего их бедным. Айн Рэнд устами своего героя Даннeshильда сбрасывает этот образ с корабля здравомыслия: «Он стал оправданием всякой посредственности, которая не способна заработать себе на хлеб и поэтому потребовала лишить людей, которые богаче ее, их собственности. Он заявил, что хочет посвятить жизнь тем, кто ниже, за счет ограбления тех, кто

выше. И это подлейшее существо, дважды паразит – он присосался к ранам бедных и питался кровью богатых, – объявлен нравственным идеалом! Это привело к тому, что чем больше человек трудится, тем ближе он к утрате своих прав. А если человек талантлив, он превращается в бесправную тварь, жертву всех желающих, потому что теперь достаточно нуждаться, чтобы подняться выше прав, принципов, нравственности, подняться туда, где все разрешено, даже грабеж и убийство».

Ну, и весь роман, в общем, вот об этом.

Данная глава без излишнего бахвальства просто-таки усыпана обильными цитатами, что иной раз не только демонстрирует блестящую эрудицию автора, но и приводит к усложнению чтения. Но что поделать? Алчущие знаний, да придерутся сквозь затейливый и начиненный ссылками текст. А алчущий поделиться своими знаниями автор просто не в силах сдержаться от последней цитаты. Как можно обойтись без Бальзака при разговоре об алчности? Это была

бы непростительная оплошность. А он – властитель дум XIX века, – пожалуй, был едва ли не самым умным в понимании пороков, даже в сравнении с проницательным Марксом. И поскольку пороки он не столько осуждал, сколько изучал, он пришел к выводу, что отвечать на них можно лишь по принципу «око за око». Так, цинично и не жалея своих врагов, видя в них рабов инстинктов, добились своей славы Александр Македонский и Цезарь. Отбросьте сентиментальность в сторону! Достоевский, по своему признанию, искал человека в человеке, а Толстой, подсказал, как человека можно расчеловечить. Поэтому без излишней нежности к жизни относились Маркс и Флобер, Макс Вебер и Айн Рэнд... И разумеется, сам Бальзак.

Не знаю, пришлось ли ему для осознания этой мысли писать всю жизнь «Человеческую комедию», но роман «Утраченные иллюзии» – однозначно. Именно он, предельно насыщенный пространными рассуждениями о человеческой природе, психологии и этике, несет в себе результат накопленных дум. И как бы по-канцелярски эта формулировка ни звучала, от нее крайне сложно отказаться, ведь, сколько ни улыбайся, в ней есть правда! Словами Бальзака и завершим почетно нашу главу:

«Короче, в мире дельцов будьте алчны, как ростовщик, и низки, как он; поступайте всем ради власти, как он поступает всем ради золота. И не пекитесь о том, кто падает: он уже для вас не существует. Знаете ли вы, почему вам надоб-

но так себя вести? Вы желаете властвовать в свете, не правда ли? Так надобно прежде склониться перед светом и тщательно его изучить. Ученые изучают книги, политики изучают людей, их вожеления, побудительные причины человеческой деятельности. Однако ж свет, общество, люди, взятые в их совокупности, фаталисты: все, что ни свершается, для них свято».

Бестактность

Глава о том, что даже для шутки есть свое время

«Такт — это неписаное соглашение не замечать чужих ошибок и не заниматься их исправлением. То есть жалкий компромисс».

Эрих Мария Ремарк. «Три товарища»

Трудно не согласиться с Ремарком, когда он обличает человеческое лицемерие. Ведь вести себя согласно такту – значит не говорить правду, сдерживать раздражение, делать доброжелательный вид. А ведь нас учили с детства отстаивать свои интересы! Вгрызаться за свои убеждения! И что же это получается: приличий ради мы должны наплевать на свои идеалы?

Один советский плакат гласил: «Пионер не курит! А если

видит курящих, то решительно поворачивается и выходит из помещения». Никакого уважения, право слово. Да, ему не нравятся эти люди, но зачем же демонстрировать свое пренебрежение? Это поведение, по всей видимости, и называется бестактностью: не скрывать неприязни к неприятным людям.

Но надо понимать и следующее: бестактным ты можешь быть, только если другие тебя таковым признают. Разумеется, решительный пионер среди курящих тотчас же будет высмеян: «Посмотрите какой принципиальный! Я тоже когда-то им был, пока не начал курить»; «Вот если бы он попробовал, то, уверен, пинком бы его нельзя было выгнать отсюда»; «Наивный мальчик»; «Видимо, он до сих пор верит, что умрет позже, чем мы».

Особенно абсурдно выглядела бы картина, если бы это произошло в наши дни. Тогда бы про пионера уместно было сказать: «Видимо, он до сих пор верит, что Ленин жив».

А вот если у определенных лиц нет голоса – не в том смысле, что они его вдруг потеряли, а в том, что никогда не имели, – то пренебрежительное отношение в их адрес едва ли сочтут бестактным. Только представьте, если бы сегодня кто-нибудь публично начал рассуждать о глупости женщин и всячески принижать их достоинства? Тут же разбушевались бы феминистки и правозащитницы. И не оставили бы от оратора камня на камне. Но так было не во все времена. В древности вообще с правами женщин было туго. Граждан-

ками они не являлись, образование не получали, по статусу были не больно выше рабов. Поэтому реплика персонажа древнегреческого комедиографа Менандра не воспринималась чем-то неуместным:

«Учить женщину грамоте? Ужасная ошибка. Все равно что добавлять яду изготовившейся ужалить змее».

Будьте уверены, в тот момент публика смеялась. И не только над удачно подобранным сравнением. А почему? Да потому что женщин на сатирическом представлении не было (иные историки считают, что они вообще не допускались в театр). Впрочем, даже если бы они и находились, кто прислушался бы к их слову?

Так что бестактным поступок может быть расценен по отношению к тому, кто пользуется каким-никаким уважением в обществе. От того-то и становится странно: зачем насмехаться над вполне приличным человеком? Ладно бы он был мимом, шутом, уродом, карликом или доходягой... А тут... Так себя вести... Как-то даже неуместно.

Со стороны бестактный человек выглядит, конечно, забавно. Уже то, как он все делает несвоевременно, вызывает смех. Однако в силу отсутствия самоиронии бестактный человек не замечает своих недостатков, отлично находя их в других.

- Слушай, хочешь анекдот расскажу?
- Нет, спасибо.
- Ты весь такой угрюмый, давай я тебя развеселю!

– Спасибо, но не в этот раз.

– А ты, однако, мог бы получить номинацию на самого угрюмого сотрудника года!

– Может, потому, что я сейчас работаю?

– Или потому, что делаешь такой вид?

И как тут объяснить, что приставать к занятому человеку неприлично? Всему свое время. А он, шутник, даже и не желает с этим считаться.

Бестактность – это умение срывать маски с людей, когда наступает время их надевать. Не то чтобы в этом есть особый цинизм, просто иной раз человеку хочется побыть в своей роли. Серьезно, со значительностью, важностью и осознанностью. И тут вдруг из-за угла: «А король-то голый!» Да кто тебя спрашивал, умник? Это и так все знают, включая короля. Нет нужды об этом заявлять во всеуслышание на празднике голых королей. Не поймут.

Нетактичность не всегда связана с временем и местом. Иногда она проявляется в ситуациях, когда необходимо понимать контекст. Скажем, странно, когда самоироничный человек начинает подтрунивать над самим собой, а другой – вступает в диалог с целью над ним же посмеяться.

– А ты знаешь, что я вчера много проказничал?!

– Об этом уже знает весь отдел, страдающий от головной боли!

– Дорогой мой, неужели и тебя я чем-то задел?

– Хотя бы тем, что подошел ко мне со своей «новостью».

Выходит так, что шутят оба, но над одним человеком, что, прямо скажем, некрасиво.

Впрочем, нетактичный человек в последнюю очередь заботится о красоте своих поступков, ставя во главу угла исключительно свои интересы.

Поэт Владимир Маяковский, говорят, вел себя весьма нетактично по отношению к другим. Стихи-то сочинять он был мастак, а вот замечать настроения других – едва ли. Да и какое ему дело было до остальных?

Как писал Бунин в «Окаянных днях»: «Вчера был на собрании „Среды“. Много было „молодых“. Маяковский, державшийся, в общем, довольно пристойно, хотя все время с какой-то хамской независимостью, щеголявший стоеросовой прямою суждений, был в мягкой рубаше без галстука и почему-то с поднятым воротником пиджака, как ходят плохо бритые личности, живущие в скверных номерах, по утрам в нужник».

Или вот описание его поведения на банкете, полного, по словам Бунина, «гомерического безобразия»:

«Я сидел с Горьким и финским художником Галленом. И начал Маяковский с того, что без всякого приглашения подошел к нам, вдвинул стул между нами и стал есть с наших тарелок и пить из наших бокалов. Галлен глядел на него во все глаза – так, как глядел бы он, вероятно, на лошадь, если бы ее, например, ввели в эту банкетную залу. Горький хохотал. Я отодвинулся. Маяковский это заметил:

– Вы меня очень ненавидите? – весело спросил он меня.

Я без всякого стеснения ответил, что нет: слишком было бы много чести ему. Он уже было раскрыл свой корытообразный рот, чтобы еще что-то спросить меня, но тут поднялся для официального тоста министр иностранных дел, и Маяковский кинулся к нему, к середине стола. А там он вскочил на стул и так похабно заорал что-то, что министр оцепенел». И ведь даже, чудак, не постеснялся важного человека! Хотя что там – важных людей на том мероприятии было предостаточно. Но разве Маяковского это когда-то смущало?

Или вот случай, который описывает Л. А. Евреинова:

«Был август месяц. У Страстного монастыря я села на трамвай, с трудом втиснувшись на переполненную до отказа площадку.

– Здравствуйте, Иконникова! – вдруг раздался громкий голос Маяковского. – Я узнал вас по вашему оперению. (На мне была надета шляпка с двумя крылышками по бокам.)

– Здравствуйте, – ответила я, отыскивая его глазами.

Проехали остановку.

– Перебирайтесь сюда в вагон, – крикнул Маяковский. – Угощу вас грушей. Во! Смотрите!

Я повернула голову. В высоко поднятой руке он держал большую зеленую грушу.

– Самая лучшая груша в Москве! – громогласно объявил он, привлекая внимание стоящих на площадке.

Я поблагодарила и отказалась.

– Да что вы краснеете, как печеное яблоко, – продолжал Маяковский (на площадке засмеялись), – не стесняйтесь, у меня есть еще одна.

Я отвернулась и стала смотреть в другую сторону.

– Дядя, который в фартуке, – снова раздался голос Маяковского, – посмотрите, что она взаправду рассердилась или так, только притворяется.

„Дядя“, стоявший за моей спиной, судя по белому фартуку – дворник, вытянув шею, заглянул мне в лицо и деловито доложил под новый взрыв смеха публики:

– Шибко осерчали».

В приличных обществах дурное поведение так и называют – моветон. Произнося его, человек будто исполняется важностью и возвышается над своим обидчиком. «Фи, это моветон», – звучит тяжело, сильно, по-французски. Особенного обаяния, конечно, добавляет французский язык, ведь на нем говорила образованная часть Европы в XIX веке. Да и вообще иностранное слово в лексиконе никогда не бывает лишним.

Против хулиганов нет иных противоядий, кроме языковых. Он будет продолжать вести себя нетактично ровно до тех пор, пока не столкнется с непониманием.

– Моветон? Простите, что? – с недоумением произнесет он.

И кажется, все немедленно встанет на свои места: он со своим неуместным поведением, и вы со своим неуместным снобизмом будете достойны друг друга.

В Библии есть рассказ о Хаме, сыне Ноя. Пережив потоп в ковчеге, он вместе со своими братьями стал одним из прародителей современных народов. Но прежде он попал в неприятную историю, в которой, чего лукавить, поступил нетактично. Увидев своего отца Ноя – хмельного и обнаженного, – Хам не посчитал нужным войти в его положение: как-никак потоп позади, земля, наконец, под ногами, почему бы в конце концов не расслабиться? Но Хаму это показалось смеш-

ным. Более того, он не стал умалчивать об увиденном, а тотчас же рассказал братьям, что являлось проявлением непочтения к отцу.

Поступил он не просто плохо, а по-хамски. Не случайно слово «хамство» происходит именно от его имени.

Да, всякий раз, когда мы сталкиваемся с непочтительным отношением к себе с чужой стороны, с попыткой вторгнуться в святая святых наших моральных принципов, мы имеем дело с хамом. Он не спрашивает тебя: «Удобно ли меня сегодня потерпеть?», он решительно действует.

Хамство повсюду. Чаще всего его можно встретить в общественных местах. Например, в трамвае (как это было с Маяковским) или в автобусе. Сколько таких историй! «Вы стоите на моей ноге». – «Не нравится, ходите пешком!» Или: «Извините, не могли бы вы передать билетик?» – «Разве не видите, что не могу?»

А что уж говорить про театры и кино. Иные хамы мнят, что храмы искусства созданы лишь для удовлетворения их «эстетических» запросов. Они могут шуметь, кричать, громко чавкать и даже не считать себя при этом виноватыми. Но больше всего они любят поболтать. Должно быть, это самое сильное искушение. «Стараться занимать слух каким-то вздором – вот что, говоря словами Мольера, делает докучный хам. Впрочем, предоставим слово самому Мольеру, который вдоволь высмеял такой тип людей в своей пьесе «Докучные»:

Но в поисках, где сесть, назойливый нахал
Со стуком пересек весь возмущенный зал
И, несмотря на то что сбоку место было,
Посередине вдруг поставил кресло с силой,
От прочей публики презрительной спиной
Широко заслонив актеров с их игрой.
Другой бы со стыда сгорел от реплик зала,
А он сидит упрям и не смущен нимало.
Он так бы и сидел, надменный вид храня,
Когда б, к несчастью, вдруг не увидал меня.
«Маркиз! – воскликнул он и, кресло подвигая,
Добавил: – Как живешь? Дай обниму тебя я».
Пришлось мне покраснеть, почувствовав испуг:
Вдруг все подумают, что он мне близкий друг.
Ведь он из тех людей, что всюду точно дома,
Из тех, кто кажет вид, что вы давно знакомы,
Кто обнимает вас средь светской суеты,
Как будто вы давно с ним перешили на «ты».
Старался он занять мой слух каким-то вздором
И громко так шептал, что стал мешать актерам.

Избегать общества нахалов проблематично. Они так и норовят найти тебя и сесть рядом. Мольер весьма проницателен в своих оценках: сколько ни делай вид, что ты не знаком с хамом, он все равно во весь голос закричит о вашем мнимом знакомстве. Ведь ему ничего не стоит совершить неприличный поступок, а краснеть приходится вам.

Но что делать, когда вы – воспитанный человек? Каким образом отвечать, если вы интеллигент в бабушкиной коф-

те?

Как же реагировать, когда по отношению к тебе ведут себя нетактично?

Есть следующие пути отступления, которые со всей научной серьезностью можно аттестовать фразой «психологи выяснили».

1. Во дворе неоднократно можно услышать вопрос «А ты кто такой?» И несмотря на, казалось бы, странную формулировку, вопрос имеет свой вразумительный эффект. И в самом деле – кто? Начинаются длительные поиски глубинных смыслов, своего социального статуса, положения в обществе. Разумеется, пробегают эти мысли в голове мгновенно. Времени на размышление, как правило, немного – все-таки вопрос поставлен резко и прямо в лоб. Но если избежать грубой прямолинейности и задать вопрос корректно – уже по отношению к хаму, – то можно оппонента озадачить. В сущности, нетактичность проявляется тогда, когда человек ставит себя выше остальных. И тут нужно набраться смелости и намекнуть – ненавязчиво так, по-товарищески, – что вообще-то, дружище, чем выше обезьяна забирается на дерево, тем отчетливее виден ее голый зад.

2. Если вас достали надоедливymi разговорами и вы не желаете больше слушать навязчивого собеседника, то легче всего сделать вид, что вы его не слышите. Дело это, безусловно, трудное. Сосредоточиться на своих мыслях не так-то просто, когда перед тобой нескончаемо горланят. Но есть

безотказный инструмент: недоуменно посмотреть на приста-
вучую личность и сказать: «Похоже, вы не со мной разгова-
риваете». И не поспоришь – очевидно, что разговаривает он
с самим собой!

3. Иной раз можно столкнуться с прожженным, опытным
хамом, который так просто не отстанет. Вступать в разговор
все-таки придется. В таком случае следует определиться с
ролями. Сыграть жертву – значит подписать себе смертель-
ный приговор. Агрессор так и норовит привязать вас к стулу
и заставить слушать несмешные шутки. В начальника сыг-
рать тоже не получится – тут нужны особый навык и юве-
лирная работа. Да и агрессией отвечать на агрессию как-то
не комильфо. Это же вам не политические игры! Остается
одно: надеть на себя костюм психолога. То есть продолжать
разговор с рисованной заинтересованностью и непрекраща-
ющимися вопросами: «Это действительно ваши желания?»,
«А почему вы решили подойти именно ко мне?», «Есть ли в
этом мире люди, готовые вас выслушать?» И самый грязный
прием: «А что бы на это сказал Фрейд?»

4. Главная ошибка – называть вещи своими именами. Воз-
можно, это звучит странно. Но приличия требуют особого
внимания в выборе слов. Именно с вашей стороны нужно со-
хранять тактичность. Легче всего ответить: «Ты ведешь себя
очень неприлично!» Но это все равно что сказать, подобно
насмешливой Надежде Тэффи: «Природа разделила Грецию
на четыре части: северную, которая находится на севере; за-

падную – на западе; восточную – на востоке; и, наконец, южную, занимающую юг полуострова!» Словом, очевидные вещи. Хам и сам понимает, что он хам. И даже получает от этого удовольствие. Но вы, тщась вести себя культурно, даже не столько подаете пример (его в этой жизни уже ничего не научит), сколько создаете дистанцию. Процитируйте Вольтера или Оскара Уайльда: они своими мыслями помогли человечеству построить такую плотину между светлым разумом и беспросветной темнотой, какую ни один бобер бы не смог соорудить! Ну хорошо, за одним исключением – Симоны де Бовуар, которую французский философ Жан-Поль Сартр с любовью называл «бобер».

Болтливость

Глава о том, что умеренность нужна и в разглагольствованиях наших

«Полоний: Что вы читаете, принц? Гамлет:
Слова, слова, слова...»
Шекспир

Что ж, не правы были те, кто заставлял нас день и ночь корпеть над трудами Цицерона со словами: «Учись красноречию у древних!» Они били нас по пальцам, когда втайне под одеялом мы зачитывались эротическими сценами из Апулея! Негоже, мол, безнравственностью насиловать свое детство – поди вон науку изучи. И к чему же привели их наставления? К чему склонили своим дидактическим упрямством? Верно, к тягчайшему из пороков, простить который

не может ни один уважающий свое время и личное пространство человек.

Поглядите на плоды просвещения: изучая логику, мы приучились рассуждать последовательно и многословно, риторика подтолкнула нас к искусным эпитетам, без которых речь была бы гораздо короче. Ан нет, лаконичность – удел спартанцев (это они, жители Лаконии, любили все короткое и ясное). Но мы же не из простых. Нам бы такое словцо, да что бы витиеватое, затейливое, замысловатое! Да туману побольше, и ясности поменьше. Вот это я понимаю – Мартин Хайдеггер. Да простит меня мировая философская истина в его лице. Впрочем, кто бы понял, в чем она заключается – эта истина, уж больно она многословна.

Конечно, бывают болтливые глупцы, и об этой касте совсем другой разговор, но если у них нет разумной возможности себя сдерживать, то как же быть с людьми учеными? Казалось бы, и разум есть, и научный метод, и тип мышления, и – как его там? – ученая степень, а все равно слова вырываются, словно из рога изобилия. Это из большой щедрости, что ли?

Потому-то это один из самых страшных пороков, что стал, как сказала бы Ханна Арендт, «банальностью зла». И если она этой банальностью обозначила насилие, которое было свойственно XX веку и укоренилось в бытии, то для XXI века несомненной банальностью стала излишняя говорливость. Время спокойное, от стрессов лечат психологи, от

банкротства — друзья, а от запоя — родственники. Но вот от чего не вылечиться, так от болтливости. Она, так сказать, на уровне подсознания, на уровне инстинктов.

Сядишься с утра пить чай с женой, весь такой образованный и проницательный в политике, и начинаешь говорить о государственных проблемах. Как будто жена с утра только об этом и хочет слышать. Как будто ей не снился страшный сон, о котором ей хотелось бы рассказать. Как будто ее не тревожит ваше совместное будущее. Как будто дети в школе перестали получать двойки по природоведению. Как будто в мире нет ничего более важного, чем политическое состояние дел в родной стране.

«Ну, хорошо, давай расскажи, какой ты гражданский активист».

А будь это женщина! Пришел, значит, домой после безумного рабочего дня мужчина, лег в расслабленности на диван, включил футбол и тут тебе: «А ты знаешь, что сегодня приняли закон, по которому...» Ах, как жаль, что нет законов против болтунов! Не то чтобы их слова неверны или, скажем, не патриотичны (боже упаси, обвинять оппозиционеров в болтливости!), но они бывают несколько неуместны. И все тут.

Пожалуй, абсурдно бы выглядело разрешение говорить много: дескать, давай, я сделал себе чай, можешь говорить. Даже оскорбительно для говорящего. Но разве не является ли оскорбительным тот факт, что тебе приходится выслуши-

вать информацию, которую ты решительно слышать бы не хотел? Ну кто его знает, почему ты отказываешься ее слушать? Может, ты просто занят чем-то. Представляете? Человек может быть чем-то занят.

Почему бы в таком случае не заговорить – на полном серьезе – о праве человека не слушать другого. Это же так просто – заткнуться!

Но разве невежественный человек может понять, каково это – сдерживать в себе неумное образование? Легко молчать, когда в твоей голове пусто. А ты поди помолчи, когда твоя голова кричит научными фактами, художественными фантазиями, философскими теориями. И как жаль, что весь этот золотой дождь выливается на простых, ни в чем не повинных прохожих. На что, спрашивается, психологи? Сходи к ним, выговорись. Но с психологами говорят о личной жизни, с людьми же хочется поделиться всем, что ты знаешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.